

JOANNA ORZECHOWSKA

Лингвокультурологические аспекты невербальной коммуникации

Linguistic and culturological aspects of nonverbal communication

Abstract. The article presents the issue of non-verbal communication from the perspective of translation and teaching a foreign language. The research is based on an experiment conducted among Russian students at the University of Warmia and Mazury, whose task it was to analyze data from Krystyna Jarzabek's *Dictionary of the Body Language of Polish People*, from which about 30 unknown or unintelligible units of non-verbal communication were selected. The data show that body language, including gestures, is culture-rooted, and confirm that non-verbal means play a significant role in communication. This is why the author of the article believes it to be justified to introduce elements of non-verbal communication into teaching foreign languages and to compile bilingual dictionaries of body language.

Keywords: nonverbal communication, culture linguistics, linguoculturological commentary, kinemes, linguoculturema

Joanna Orzechowska, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Olsztyn – Polska, joanna.orzechowska@uwm.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-5991>

В последнее время все большее значение для преподавателей-практиков иностранного языка и переводчиков приобретает **прикладная лингвокультурология**. Исследования, проводимые в этом направлении, позволяют не только выявить взаимодействие языка и культуры, но и сознательно сопоставить свое с чужим для объяснения, понимания и усвоения чужого языка и иной культуры. В целях представления различий между своими и чужими элементами культуры возникают пособия и словари нового типа – лингвострановедческие и лингвокультурологические. Их авторы пытаются познакомить будущих участников общения с лингвокультурологической информацией и показать способы глубинного смыслового изучения иностран-

ного языка в самых разнообразных условиях его преподавания и изучения (Sináčkin et al. 3–4).

В основе прикладной лингвокультурологии лежит методика формирования не только навыков речевого общения, но и нового языкового сознания в процессе обучения иностранному языку. Это общее положение должно реализоваться в решении следующих задач: формирование объективных представлений о языковом сознании и особенностях языковой личности носителя изучаемого языка; формирование навыков совместной деятельности и общения по правилам социума носителя изучаемого языка; формирование навыков речевого общения при помощи средств изучаемого языка (Sináčkin et al. 5).

Изучение национального менталитета и языкового сознания и их влияния на коммуникативное поведение является необходимым условием для формирования навыков соответствующего коммуникативного поведения у изучающих иностранный язык. Такая зависимость осознается многими современными исследователями (см. работы Владимира Васильевича Воробьева, Владимира Ильича Карасика, Юрия Николаевича Караулова, Виктории Владимировны Красных, Юрия Сергеевича Степанова, Вероники Николаевны Телия, Анны Вежицкой и др.).

Коммуникативное поведение понимается создателем этого термина как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей и объединяет вербальное и невербальное коммуникативное поведение (Sternin 4–5). Поэтому все положения прикладной лингвокультурологии должны касаться не только вербального, но и невербального общения. Задачи формирования представлений о языковом сознании нации и формирование навыков общения в прикладной лингвокультурологии должны реализоваться с учетом коммуникативного действия, т. е. единицы описания коммуникативного поведения, которая состоит из отдельного высказывания (речевого акта), невербального сигнала или комбинации вербального и невербального сигналов и т. д. (Sternin 6). Необходимость изучения прикладной лингвокультурологией невербальной коммуникации подтверждают исследования Альберта Мейерабиана и Рэя Бердвистелла, по подсчетам которых в процессе общения большая часть информации передается с помощью невербальных действий (Mehrabian; Birdwhistell).

В теории коммуникации коммуникативное поведение определяется терминами вербальная и невербальная коммуникация (Vasilik 165, 295). В широком смысле невербальная коммуникация отождествляется с понятием „невербальное поведение” и означает „социально обусловленную систему взаимодействия, в структуре которой преобладают произвольные, неосознаваемые комплексы движений, выражающие личностную неповторимость

человека” (Vasilik 295; Sikorski; Morris; Pease). В узком смысле под невербальной коммуникацией понимается „система невербальных символов, знаков, кодов, использующихся для передачи сообщения”. Элементами этой системы могут быть жесты, мимика, позы, нормы пространственной и временной организации общения, эмоционально-ритмическая характеристика голоса и другие (Vasilik 295–334). Иосиф Стернин под невербальным коммуникативным поведением понимает совокупность норм и традиций, регламентирующих требования к организации ситуации общения, физическим действиям, контактам и расположению собеседников, невербальным средствам демонстрации отношения к собеседнику, мимике, жестам и позам, сопровождающим общение и необходимым для его осуществления (Sternin 5).

В настоящей статье рассматриваются лингвокультурологические аспекты таких коммуникативных действий, которые представляют собой невербальные сигналы, или комбинацию вербальных и невербальных сигналов, описываемых в словарях прежде всего как жесты, мимика, язык тела (Akišina, Hiroko, Akišina; Grigor'eva et al.; Jaržabek).

Лингвистический аспект невербального поведения вытекает из тесной связи и определенного сходства между вербальной и невербальной коммуникацией.

Во-первых, существуют теории, говорящие о вытекании одной из другой, о предшествовании жестового языка звуковому. Многие ученые считают, что жесты имеют биологическую природу, известны также у животных и именно на их основе у людей возник звуковой язык (Vasilik 296).

Во-вторых, жесты тесно связаны со звуковым языком. Рэй Бердвистелл, основатель кинесики (дисциплины, изучающей различные формы невербальной коммуникации, связанные с использованием тела), полагал, что всякое движение тела имеет значение, а система „языка тела” имеет грамматику по типу грамматики естественного языка (цит. по: Guzikova 11). У людей, владеющих несколькими языками, со сменой языка меняется и кинетическое, в частности жестовое, поведение. Поэтому такие термины, как билингвизм или вторая языковая личность, можно также отнести к языку тела (Birdwhistell). Большинство смыслов можно выразить комбинацией жестов и слов, значительно меньшее число – только жестом (Grigor'eva 167). Не существует самостоятельных жестовых языков, кроме жестового языка глухонемых и искусственных жестовых кодов профессиональных групп: водолазов, спортивных судей, железнодорожников и других (Jaržabek 24).

В-третьих, жесты имеют звуковые соответствия (речения), которые называют невербальное поведение и обладают его семантикой. Возможен перевод коммуникативного действия не только с одного жестового языка на другой, но и на другой вербальный язык. Основной единицей кинесики – кине – Бердвистелл

стелл назвал элементарные движения тела, которые складываются в кинемы, как слова естественного языка складываются в предложения. Кинемы выполняют роль дополнения или замещения речевых сообщений (Guzikova et al. 85). Каждая кинема имеет свою номинацию в языке. В результате перевода номинации кинемы возникают такие же проблемы, как и в случае перевода с одного естественного языка на другой. Например, русская номинация кинемы „искать третьего” (средний и указательный пальцы руки жестикулирующего распрямлены и образуют подобие латинской буквы V; остальные пальцы согнуты; жест осуществляется тайно, так чтобы его могли увидеть только те, кому жестикулирующий его адресует; жестикулирующий обычно прикрывает пальцы одеждой или прижимает руку к телу), обозначающая, что ‘жестикулирующий очень хочет выпить спиртного и ищет человека, который хотел бы с ним выпить и разделить необходимые для этого денежные расходы’ является безэквивалентной кинемой с отчетливой культурной коннотацией (Grigor’eva et al. 58). Естественно, без дополнительного комментария представителю другой языковой и культурной общины будет непонятным фрагмент произведения Василия Аксенова *Папа, сложи!*:

Возле гастронома стояли два „ханурика” из дома № 16, молчаливые и спокойные. Они заложили руки за борта пиджаков и перебирали высунутыми наружу двумя пальцами. Искали, стало быть, третьего в свою капеллу (Aksenov).

Кинемы „считать на пальцах” в русском и польском невербальном поведении отличаются т. н. кинетическими переменными (данными кинемы). В русском коммуникативном действии ‘загибают пальцы самостоятельно или при помощи большого пальца той же руки, или указательного пальца другой руки’ (Akišina, Hiroko, Akišina 65), в польском невербальном поведении – ‘разгибают пальцы’ (*palce się odgina*) (Jarząbek 228). Перед переводчиками встает дилемма: следовать автору и культуре или облегчить читателю восприятие текста, не касаясь лингвокультурологических различий. Второй подход приводит к ложному образу невербального поведения российских героев литературных произведений:

– Dał mi pan takie trzy rady, które warte są milion. Dolarów. Jem na zdrowie i nie przejmuję się, tak? – Soso odgiął gruby mały palec, rozpoczynając wyliczanie, i schrupał jeszcze jedną czekoladkę. – Żona przyprawia mi rogi, a ja wprost rozpływam się ze szczęścia. Po raz pierwszy w życiu! – Odchylił drugi palec, serdeczny, ozdobiony masywnym złotym pierścieniem, a następnie trzeci, środkowy, z brylantowym sygnetem (Akunin 358).

Коммуникативное действие „сгибание пальцев” в русском невербальном поведении приводит к образованию кулака при числе 5 (в отличие от откры-

той ладони в польском невербальном поведении). У переводчика нет выбора, когда счет дойдет до пяти:

– Nigdy nie pić w mundurze. – Siergiej zagiął kciuk prawej ręki. – Nigdy nie pić, nie schowawszy uprzednio broni do sejfu. – Po kciuku przyszła kolej na palec wskazujący. – Nigdy nie pić, jeśli później trzeba usiąść za kierownicą, nie pić podczas służby, no i nie pić byle czego, to znaczy wszelkiego świństwa. Teraz przed nosem Nasti widniała nieduża, ale żyłasta, mocno zacisnięta pięść Zarubina (Marinina 291).

В лингвистическом плане, отсутствие одинаковых данных кинемы „считать на пальцах” в польском и русском невербальном поведении приводит к непонятному и ошибочному с точки зрения семантики переводу глагола *zagnuć* на *odgiąć*.

– Просто, да не просто. Придется ого-го сколько повозиться. Значит, так. – Он загнул большой палец. – С воротами все-таки стопроцентной уверенности нет (Akunin, электронный ресурс).

– Niby proste, ale nie całkiem. Trzeba się będzie jeszcze przy tym nieźle nabiedzić. A więc tak. – Odgiął duży palec. – Co do bramy, nie ma stuprocentowej pewności (Akunin 301).

В-четвертых, жестовое поведение людей, как и речевое, меняется под влиянием пространственных, временных, социокультурных условий (Grigor'eva et al. 167). Однако коммуникативное поведение народа является компонентом его национальной культуры, отвечающим за коммуникативное поведение нации. Поэтому в литературе говорится о коммуникативной культуре нации (Sternin 4–5) и о том, что невербальное поведение культурно маркировано.

Общение (контакт) начинается на несловесном уровне (взгляд в глаза или в сторону, меньшая или большая зона общения, разные формы несловесного приветствия), но уже на этом уровне может начинаться взаимное непонимание людей разных культур. Авторы лингвострановедческого словаря *Жесты и мимика в русской речи* подчеркивают, что язык жестов не стал международным, потому что имеет национальную окраску (Akišina, Hiroko, Akišina 3). Поэтому жесты нуждаются в „переводе”, а их знание содействует пониманию собеседников.

Система жестов, которыми владеет человек, подтверждает принадлежность человека к данному коллективу, а внутри коллектива характеризует его как члена определенной группы. Представители разных общностей усваивают один общий тип коммуникативного поведения, не владеют чужим языком тела. В процесс общения с иностранцами они включают репертуар своих кинем и, наоборот, движения тела иностранцев интерпретируют со-

гласно нормам, принятым в своей культурной общине. Существуют языковые общности, в которых типы невербального поведения существенно не различаются. Такая ситуация сложилась в результате активных культурных, политических, торговых, туристических контактов, а само общение является кратковременным. Однако когда контакты становятся продолжительными, непривычное невербальное поведение может изумлять, удивлять, беспокоить.

Среди студентов второго курса специальности *межкультурная коммуникация в Европе* Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, гетерокультурных информантов, носителей русского языка был проведен эксперимент. Его целью было выявление межкультурных различий в невербальной коммуникации поляков и россиян с помощью методики наблюдения различных значений польских и русских жестов. Студентам предлагалось рассмотреть фотографии жестов и языка тела, помещенные в *Словаре языка тела поляков* Крыстыны Яжомбек (Jarząbek) и познакомиться с их описанием. Задачей было выявление тех жестов, которые не используются в среде российских студентов, или используются с другим значением.

Студенты составили следующий список лакунарных жестов (около 30 невербальных поведений): чистить морковь – неодобрение (skrobać marchewkę – dezaprobata), дать щелчок по носу – неодобрение (dać prztyczka w nos – dezaprobata), свистеть на пальцах – неодобрение (gwizdać na palcach – dezaprobata), целовать ладонь – поздравления (całować czyjąś dłoń – gratulacje), пожимать ладонь – поздравление женщины (podawać i ścisnąć komuś dłoń – jako gratulacje dla kobiety), стучать кулаком по бороде – угроза (stukać się pięścią w brodę – groźba), движение рукой ниже бедра, как будто быстро схватить какой-то предмет и спрятать его в кармане – кража (wykonanie lewą lub prawą dłonią, poniżej biodra, ruchu naśladowującego szybkie uchwycenie jakiegoś przedmiotu i schowanie go do kieszeni – kradzież), хватать пальцем за ухо, ухо от сельди – пренебрежение (chwytać się palcami za ucho, ucho od śledzia – lekceważenie), начертать ладонью в воздухе крест, крестик на дороге – пренебрежение (kreślić dłonią krzyż, krzyżyk na drogę – lekceważenie), начертать кружочки пальцем на лбу – пренебрежение, презрение (kreślić palcem kółeczka na czole – lekceważenie, pogarda), стучать пальцем по лбу – пренебрежение (stukać się palcem w czoło – lekceważenie), начертать круг ладонью близко головы – пренебрежение (zataczać kółko dłonią obok głowy – lekceważenie), поднимать два пальца на высоту плеч – присяга (podnosić dwa palce na wysokość ramienia – ślubowanie), удар скипетром в плечо – посвящение во что-то (uderzanie berłem w ramię – pasowanie), заламывать руки – отчаяние (załamywać ręce – rozpacz), разгибать пальцы – считание (odginanie palców – wyliczanie), делать из пальцев круг – восторг

(robić z palców okrąg – zachwył), целовать ладонь женщины – знакомство (całowanie dłoni kobiety – zawieranie znajomości), пожимание ладони – знакомство (podawanie i ściskanie dłoni – przy zawieraniu znajomości), целовать собственный кулак – обида (całować własną pięść – zniewaga), дышать на ладонь с деньгами – на удачу (chuchać na dłoń z pieniędzmi – na szczęście), ударять коленом по ягодцам – на удачу (kopać kolaniem w pośladki – na szczęście), хватать пальцами пуговицу при виде трубочиста – на удачу (łapać palcami za guzik na widok kominiarza – na szczęście), плевать три раза перед собой – защита от несчастья (pluć trzy razy przed siebie – uchronienie przed nieszczęściem), стучать по некрашеному дереву – защита от несчастья (stuknąć w niemalowane drewno – uchronienie przed nieszczęściem), зажимать большие пальцы – на удачу (zaciskać kciuki – na szczęście), целовать хлеб, если упал на землю – уважение (całować chleb upuszczony na ziemię – szacunek), поднимать в сторону руку, согнутую в локте, – восхищение (unosić w bok rękę zgiętą w łokciu – zachwył), прижимать ладонь к груди – благодарность (przyciskać dłoń do piersi – wdzięczność), бросать монетку через плечо – на удачу (rzucić monetą przez ramię – na szczęście), и почти все, связанные с религиозными обрядами (например: dzielić się opłatkiem).

Выявленные различия не претендуют на данные сопоставительного словаря, так как в исследовании не учитывались особенности социальной, возрастной, гендерной, профессиональной, региональной принадлежности, а также не учитывались и личностные характеристики. Однако на основе беглого просмотра словаря удалось выявить несколько десятков безэквивалентных кинем. Все они способны затруднить понимание собеседника, препятствовать ведению диалога и вызвать культурный конфликт, т. е. такую ситуацию, когда в процессе общения не оправдываются ожидания определенного поведения людей, что вызвано их культурным происхождением (Grewé 10). Особенно сильная культурная маркированность проявляется в поведении, связанном с поверьями, суевериями (плевать три раза, стучать по дереву) или ритуалами.

Результаты, полученные в ходе эксперимента, могут быть использованы как дидактический материал в обучении русскому языку, а также в практике составления переводных словарей невербальной коммуникации.

Культурно маркированные языковые единицы, которые требуют комментария на занятиях русского языка как иностранного (далее – РКИ), называются лингвокультуремами. Данный термин впервые был использован Владимиром Воробьевым в работе *Лингвокультурология* (Vorob'ev). Лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком. Лингвокультурема вбирает в себя, акку-

мулирует в себе как собственно языковое представление („форму мысли”), так и тесно и неразрывно связанную с ним „внеязыковую, культурную среду” (ситуацию, реалию) (Vorob'ev 44–48). Вслед за Владимиром Воробьевым, данный термин использован в работе Нины Кирилловой и Аллы Афанасьевой. Авторы данного пособия рассматривают лингвокультуру как „абстрактную сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определенной структуры (лексема или фразема, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культуроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации)” (Kirillova, Afanas'eva 73).

Представленные характеристики лингвокультуры позволяют причислить к таковым также номинации кинем, рассмотрение которых должно включать обсуждение трех сторон (в отличие от некинесических лингвокультуры): содержания, языковой и кинесической форм выражения.

Так как, кроме знания языка, в общении людей огромное значение имеет знание культурных особенностей, в том числе языка тела, а невербальная коммуникация является неотъемлемой частью коммуникации вербальной, на занятиях РКИ следует вводить номинации кинем как лингвокультуру.

Невербальные элементы общения, так же, как и вербальные, следует декодировать только в ситуативном и культурном контексте, потому что нельзя отделить человека от культуры, в которой функционирует. В каждой языковой и культурной общности общение осуществляется на многих уровнях одновременно, и каждое сообщение следует расшифровывать с учетом этих уровней. Успешная невербальная коммуникация зависит от того, владеет ли носитель языка системой невербального поведения, характерного для данной общности. Расшифровка лингвокультуры – номинаций кинем – возможна путем лингвокультурологического комментария, включающего все, что может быть непонятным и показаться непривычным представителю другой культуры. Лингвокультурологические комментарии содержатся в словарных статьях в лингвокультурологических словарях, структура и содержание комментариев для лингвокультуры *медведь*, *Чебурашка*, *Колобок* были разработаны отдельно для польской аудитории (Orzechowska 2013, 2014, 2015).

Задачу декодирования невербального поведения пытаются решить современные словари трех типов: декодирующие невербальное коммуникативное действие (Jarząbek), декодирующие бытующую в языке номинацию кинемы (Grigor'eva, Grigor'ev, Krejdlin), сопоставительные словари невербальных поведений двух наций (Jarząbek, Pintarić). Выявленные в ходе эксперимента различия в польской и русской невербальной коммуникации могут послужить базой для составления переводного словаря жестов и языка тела поляков и русских, необходимого для формирования соответствующей компетенции.

Библиография

- Akišina, Alla A., Kano Hiroko, Taťána E. Akišina. *Žesty i mimika v ruské řeči. Lingvostranovedčeskij slovar'*. Moskva, Knižnyj dom „LIBROKOM“, 2017.
- Aksenov, Vasilij. *Papa, složi!* Web. 05.06.2020. <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/028/016.htm>.
- Akunin, Boris. *Altyn-Tolobas*. Web. 04.03.2020. <http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/nikolas-altyn-tolobas/>.
- Akunin, Boris. *Skrzynia na zloto*. Per. Elżbieta Rawska. Warszawa, Świat Książki, 2005.
- Birdwhistell, Ray L. *Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture*. Louisville, Foreign Service Institute, University of Louisville Press, 1952.
- Birdwhistell, Ray L. *Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1970.
- Grewe, Alexander. „I'm sick to death with you...” or External Character Conflicts in Faulty Towers. *Seminar paper*. Passau, GRIN Verlag, 2005.
- Grigor'eva, Svetlana A., Nikolaj Grigor'ev, Grigorij E. Krejdlin. *Slovar' žyka russkich žestov*. Moskva–Vena, Žyky russkoj kul'tury, Venskij slavističeskij al'manah, 2001.
- Guzikova, Mariā O., Polina Ū. Fofanova. *Osnovy teorii mežkul'turnoj komunikacii. Učebnoe posobie*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015.
- Jarząbek, Krystyna. *Słownik mowy ciała Polaków*. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016.
- Jarząbek, Krystyna, Neda Pintarić. *Polsko-chorwacki słownik gestykulacji, mimiki i postaw ciała. Poljsko-hrvatski rječnik gestikulacije, mimikle i stavatijela*. Katowice, Oficyna Drukarsko-Wydawnicza „Akant”, 2012.
- Kirillova, Nina N., Alla L. Afanas'eva. *Praktičeskoe posobie po lingvokul'turologii: francuzskij žyky*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008.
- Marinina, Aleksandra. *Sztuka śmierci*. Per. Aleksandra Stronka. Wydawnictwo Czwartha Strona, 2018.
- Mehrabian, Albert. *Nonverbal Communication*. Chicago, IL, Aldine-Atherton, 1972.
- Morris, Desmond. *Magia ciała*. Per. Barbara Ostrowska, Bogna Piotrowska. Warszawa, Split Trading, 1993.
- Orzechowska, Joanna. „Čeburaška v lingvokul'turologičeskom komentarii na zanâtiáh RKI”. *Acta Neophilologica*, 17 (1), 2015, s. 27–33.
- Orzechowska, Joanna. „Lingvokul'turologičeskij ob'ekt MEDVED' v russkom žyke”. *Acta Polono-Ruthenica*, 18, 2013, s. 197–206.
- Orzechowska, Joanna. „Rola i struktura komentarza lingwokulturologicznego (na przykładzie Kołobka)”. *Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego*, 2, 2014, s. 102–115.
- Pease, Allan. *Język ciała. Jak czytać myśli ludzi z ich gestów*. Per. Ewa Wiekiera. Kraków, Gemini, 1992.
- Polakowa, Tatiana. *Ekskluzywny macho*. Per. Ewa Skórska. Warszawa, Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita SA, 2008.
- Sikorski, Wiesław. *Gesty zamiast słów. Psychologia i trening komunikacji niewerbalnej*. Kraków, Impuls, 2007.
- Sinâčkin, Vladimir P. et al. *Lingvokul'turovedčeskie aspekty formirovaniâ žykovogo soznaniâ inostrannyh studentov v processe izučeniâ russkogo žyka. Učebnoe posobie*. Moskva, Izdatel'stvo RUDN, 2008.
- Sternin, Iosif A. *Modeli opisaniâ komunikativnogo povedeniâ*. Voronež, Garant, 2000.
- Vasilik, Mihail A., red. *Osnovy teorii komunikacii*. Moskva, GARDARIKI, 2003.
- Vorob'ev, Vladimir V. *Lingvokul'turologiâ*. Moskva, Izdatel'stvo RUDN, 2006.